

DOI 10.18522/2415-8852-2024-3-98-108

УДК 821.161.1

РЕЦЕПЦИЯ «ПУТЕШЕСТВИЙ ГУЛЛИВЕРА» ДЖ. СВИФТА В ПОВЕСТИ В. И. САВЧЕНКО «ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА»

Наталья Викторовна Алпатьева

старший преподаватель СПГХПА им. А.Л. Штиглица (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: xru93@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-5106-3813

Аннотация. В статье исследуется творческая рецепция романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» (1726) в повести советского писателя-фантаста В.И. Савченко «Пятое путешествие Гулливера» (1988), ранее не исследованной литературоведами. В предисловии к своему произведению писатель обозначает оставленные Свифтом сюжетные лакуны, которые ему хотелось бы заполнить, «отправив» героя в новые странствования; этими лакунами, в частности, являются разъяснения по поводу врачебной деятельности Гулливера и его познаний в астрономии. В повести Савченко герой Свифта вновь отправляется в плавание, но терпит крушение и оказывается в Тикитакии – на необыкновенном острове, населенном прозрачными людьми, умеющими считывать настроение и мысли друг друга по состоянию внутренних органов. Тексты сопоставляются с точки зрения композиции и авторской манеры изложения; если по своему построению (разбиение на главы с подзаголовками) повесть Савченко напоминает знаменитый роман, то манера повествования двух авторов заметно отличается: Свифт сдержан, хоть и саркастичен, в повести Савченко же немало разговорной лексики, речь героев более эмоциональна. Глубинной интенцией обоих текстов можно назвать наблюдение за людьми, их характерами и природой, однако авторы по-разному относятся как к своим героям, так и к человеческой природе в целом. Эти различия отвечают социально-историческому контексту написания обоих произведений. Герой книги Свифта-просветителя, разочаровавшегося в могуществе Разума, не питает иллюзий по поводу человека; «новый» же Гулливер симпатизирует тикитакам, однако признает, что они не лишены своих недостатков. При этом его заключительное размышление о том, что все народы на земле разные, при этом «все друг друга стоят», сближает концепцию Савченко и Свифта. В статье отмечается также ряд текстовых аллюзий Савченко на знаменитый роман – к примеру, его Гулливер на страницах повести время от времени «вспоминает» о своих былых приключениях, описанных Свифтом.

Ключевые слова: Свифт, Гулливер, Савченко, фантастика, повесть, рецепция

Термин *рецепция* по отношению к произведению художественной литературы обозначает его восприятие в самом широком смысле. Данный процесс всегда диалогичен: каждый читатель, знакомясь с тем или иным текстом, усваивает и по-своему интерпретирует его идеи. Результат данного процесса всегда зависит от личного и исторического опыта реципиента [Кузнецова: 121]. В понятие рецепции можно включить также творческое восприятие книги «профессиональными» читателями, то есть другими авторами. Результатом данного процесса могут стать различные пересказы (в частности, сокращенные версии для детского чтения), переложения (например, сценарии для театра и кино), а также собственные сочинения, так или иначе затрагивающие известный сюжет. М.В. Загидуллина использует термин «внутрицеховая рецепция», однако он подразумевает наличие личных отношений между авторами-современниками [Загидуллина: 34]. При этом очевидно, что творческая рецепция возможна и «через века».

Знаменитый роман Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» (1726) – многослойное и крайне увлекательное произведение – является благодатным материалом для рецепции всех видов. Несмотря на то, что «Путешествия...» являются окончанным текстом с вполне однозначным финалом, это не мешает авторам позднейших эпох воспринимать его как неоконченный – или, по крайней

мере, имеющий внутри себя определенные лакуны, которые можно и нужно творчески заполнить. Е.В. Абрамовских пишет, что «горизонт ожидания незаконченного текста предполагает бесконечное провоцирование сознания творческого читателя на завершение, дописывание», при этом «...принципиальной является установка на постижение великого замысла предшественника, на развертывание его сюжета на новом историческом материале, на реконструкцию авторской интенции» [Абрамовских: 82]. И все же для наличия лакун – и пространства для работы с ними – произведению не обязательно быть формально незавершенным. Как утверждал Р. Ингарден в своих «Исследованиях по эстетике», даже в самых объемных сочинениях присутствует «чрезвычайно много мест неполной определенности» [Ингарден: 46]. Чем больше «творческий потенциал» (термин В.И. Тюпы [Тюпа: 17]), то есть сетка возможных лакун, конкретного произведения, тем больше у творческого читателя (писателя) возможностей и желания творить «по мотивам». К такому тексту, как роман Свифта, эти слова можно отнести в полной мере.

Среди немногочисленных работ, посвященных рецепции произведений Свифта в творчестве русскоязычных авторов, выделяется монография немецкого (не английского и не российского, что любопытно) исследователя М. Дюринга “Jonathan Swift in Russland: kritische, übersetzerische und kreative

Rezeption” («Джонатан Свифт в России: критическая, переводческая и творческая рецепция») [Düring]. Как следует из заголовка, в этой книге речь идет о русскоязычной критике, истории переводов Свифта на русский язык, а также весьма популярных в нашей стране пересказах «Путешествий Гулливера» для детей. Из самостоятельных произведений, «развивающих» тему великого романа, Дюринг рассматривает несколько сочинений русскоязычных авторов XX в.: Л. Андреева, С.Д. Кржижановского, М. Козырева, Л. Петрушевской, Н. Осиповой, Г. Горина, а также несколько стихотворений разных поэтов советской и «перестроечной» эпохи. Российские же ученые чаще всего посвящают данному вопросу отдельные статьи, либо главы в своих книгах. Так, в монографии Е.В. Зоной о творчестве сатирика М.Я. Козырева имеется глава о его повести «Пятое путешествие Гулливера» [Зонова: 112–152], а Н.К. Федорова, изучающая творческое наследие Г.И. Горина, неоднократно упоминает в своих статьях пьесу «Дом, который построил Свифт», ставшую позднее основой сценария одноименного фильма [Фёдорова].

В данной статье рассматривается одно из русскоязычных продолжений романа Свифта – повесть советского писателя-фантаста

Владимира Ивановича Савченко под названием «Пятое путешествие Гулливера»¹, впервые опубликованная в 1988 г. в авторском сборнике «Похитители суеты» [Савченко]. Целью данной работы является анализ текста-рецепиента (повесть Савченко) и его сопоставление с исходным текстом (роман Свифта) на смысловом и композиционном уровнях. Актуальность исследования заключается в том, что анализ интертекстуальных связей является достаточно перспективным направлением, полезным для изучения и сопоставления культур двух стран – в том числе и в тех случаях, когда творцы жили в разные эпохи. Небезынтересным видится сам факт обращения русскоязычного автора XX в. к классику английской сатиры; мотивы данного обращения, виды внутритекстовых отсылок к роману Свифта, а также их функционирование в «Пятом путешествии...» мы попытаемся описать в своей работе. Кроме того, данная повесть Савченко практически не исследована литературоведами, ее не рассматривал в вышеназванной книге М. Дюринг; упоминания о ней удалось найти лишь в монографии М.А. Бологовой «Современная русская проза: проблемы поэтики и герменевтики» [Бологова]. В целом, в академическом пространстве отыскалось лишь

¹ Русская литература XX в. насчитывает как минимум три повести с таким названием. Авторы – М.Я. Козырев, В.И. Савченко и А.В. Аникин.

несколько научных статей, в которых говорится о творчестве данного автора – и никто, кроме Бологовой, не писал именно о «Пятом путешествии...». П.Р. Амнуэль недавно – в 2023 г. – и вовсе заявил, что «до сих пор нет работ, исследующих научно-фантастические идеи, например, Владимира Савченко, Георгия Гуревича, Анатолия Днепрова и других писателей, работавших в поджанре «твердой фантастики» [Амнуэль: 248]. «Твердой» научной фантастикой называют произведения, посвященные в первую очередь науке и технике – в противовес «мягкой», которая обращается к вопросам антропологии, социальным и ценностным системам и пр. Несмотря на то, что Савченко относят к первому поджанру, «Пятое путешествие...» является скорее «мягкой» фантастикой.

По сюжету протагонист романа Свифта снова выходит в море, но терпит крушение и в этот раз оказывается в Тикитакии – на необыкновенном острове, населенном прозрачными людьми, умеющими считывать настроение и истинные мысли друг друга по состоянию внутренних органов. Гулливеру непросто привыкнуть к своей новой жизни, тем более, что ему тоже приходится стать прозрачным, но постепенно он осваивается и приходит к выводу, что островитяне не так уж глупы (хотя не лишены недостатков, как и все люди) и, возможно, «прогрессивным» жителям континента есть чему у них поучиться. Через некоторое время Гулливер

все же возвращается в Англию, но не спешит рассказывать окружающим о том, как протекала его жизнь на острове.

«Пятое путешествие...» начинается с авторского предисловия – именно в нем Савченко обозначает оставленные Свифтом «лакуны», которые ему хотелось бы заполнить. Этими лакунами являются, в частности, отсутствие у корабельного врача Гулливера врачебной практики на страницах романа, а также тот факт, что Свифт в XVIII в. сумел угадать наличие двух спутников у Марса [Савченко: 148]. Интересно, что в статье В.В. Комиссарова «Интеллигенция, фантастика и социальные прогнозы в советском обществе 1960-80-х годов» [Комиссаров], где упоминается данное «предсказание» Свифта, упомянут и Савченко, однако в совсем ином контексте и с иным произведением («Черные звезды»). Нарратором (рассказчиком) в повести является сам Гулливер; она насчитывает десять глав, перед каждой из которых тезисно излагается содержание. Данное построение текста, а также наличие вышеупомянутого предисловия можно назвать своего рода структурными аллюзиями на роман Свифта.

Сопоставляя двух «Гулливеров» с точки зрения авторской идеи, нетрудно заметить различное отношение авторов к человеческой природе – возможно, обусловленное эпохой создания каждого произведения. Свифт – видный деятель эпохи Просвещения, разочаровывающийся в могуществе

человеческого разума, – хлестко бичует людские пороки, выражая горькое разочарование в самой природе человека. Язвительность и скепсис в его знаменитом романе, как и в других произведениях, могут быть следствием не мизантропии, в которой его нередко обвиняли, но крушения былых идеалов. Советский писатель Савченко не столь саркастичен – его оружием является скорее ирония, чем сатира. Так, «новый Гулливер» показывает читателю, что прозрачные островитяне весьма тщеславны: состоятельные люди «для красоты» проглатывают драгоценные камни, а молодежь украшает себя бижутерией (таким же образом). Однако Гулливер не идеализирует и своих соотечественников, отмечая, например, что «темнотики» (непрозрачные жители континента) разучились по-настоящему любить друг друга: «...нет уже рыцарей, посвящавших себя служению Прекрасной Даме, все меньше стихов и все больше похабства» [Савченко: 239]. В Тикитакии вершиной любви считают так называемую «семейную астрономию», когда двое наблюдают по ночам за звездами и планетами; «это крайне интимное переживание, о котором не рассказывают» [Бологова: 346]. Именно так Гулливеру и его жене – островитянке Аганиге – удается открыть спутники Марса.

Вопросы социально-политической направленности, столь важные для Свифта, у Савченко также поднимаются, однако не выходят на первый план. Тикитакия является

королевством, устройство которого сложно назвать идеальным; так, о местных «министерствах запретов» и их функции Гулливер замечает: «Многое можно запретить с многозначительным видом из высших политических соображений, а затем и милостиво разрешить за изрядную мзду» [Савченко: 200] – вспомним, что взяточничество активно порицается и у Свифта. Однако в целом тикитаки являются неагрессивным народом: на острове нет оружия, и в случае нападения врагов они могут применять лишь свои светоотражающие поверхности, чтобы получить огонь. Сами островитяне, однако, никогда ни на кого не нападают первыми. Это явно подается Савченко как положительный пример: его герои умели в случае необходимости постоять за себя, но в целом были за «мир во всем мире».

В отношении языка своего произведения Савченко отмечает в предисловии: «Читатель несомненно заметит некоторые вольности в пересказе еще одного замечательного путешествия Л. Гулливера, утаенного им по указанным в конце мотивам от современников, но, я надеюсь, не будет слишком на меня в претензии» [Савченко: 149]. Язык советского автора действительно не слишком похож на стиль Свифта; в отличие от романа 1726 г., в «Пятом путешествии...» много прямой речи, присутствуют разговорные и даже просторечные выражения. Так, например, Гулливер, рассказывая о том, как он впервые увидел себя прозрачным, замечает:

«Читатель поморщится: то размышлял на нескольких страницах, теперь вертится перед зеркалом, как кокетка... а где действие?! Какое вам еще, к едреной бабушке, действие, уважаемый читатель? Должен же я разобраться в своем имуществе. Случись такое с вами, вы бы дольше торчали у зеркала» [Савченко: 159].

Роман Свифта, несмотря на выдержанный стиль, нередко упрекали в физиологичности; в силу изображения людей, «внутренний мир» которых всегда на виду, физиологии в повести Савченко не меньше, чем в «Путешествиях Гулливера». Специфический юмор советскому автору также не чужд: так, в период истощения королевской казны тесть главного героя Имельдин предлагает королю во время бала подсыпать в бокалы состоятельных гостей слабительное, чтобы их украшения вышли наружу, и король соглашается, позволив ему за это забрать себе несколько камней из кучи дерьма. Имельдин поначалу гордится такой наградой, но вскоре ему становится невыносимо стыдно, и он накладывает на себя руки. Автор осуждает стремление обогатиться любой ценой и напоминает нам, что честь дороже денег – но все равно сочувствует своему незадачливому герою устами Гулливера: «Как ты дальше жить-то будешь!» [Савченко: 234]. Напомним, что в третьей части свифтовских «Путешествий...» ученые в Академии Лагадо рекомендуют исследовать фекалии предпо-

лагаемых заговорщиков против правительства [Свифт: 178–179]; Свифт использует актуальный для начала XVIII в. политический подтекст, Савченко же «грязная работа» нужна для того, чтобы преподать урок тщеславным богачам (советская этика).

В «Пятом путешествии...» присутствуют текстовые аллюзии на роман Свифта. По прибытии Гулливера на остров тикитаки поднимают его на носилки, как это делали свифтовские лилипуты в первой части романа, и уносят, чтобы показать соотечественникам – как показывали «оригинального» Гулливера в стране великанов: «В Бробдингне меня хозяин возил в клетке, показывал в трактирах за деньги; правда, одетым и при шпаге» [Савченко: 151]. М.А. Бологова в своей монографии находит у Савченко параллели и с иными путешествиями героя Свифта: «прозрачность исключает всякую ложь (лжи не знает и мир гуингмов)»; «в повести Савченко усугубляется мысль из третьего путешествия Гулливера (небесный остров Лапута) о возможности и осуществимости невербального общения. Но здесь оно создается не вещами, а изменением внутренних органов – Гулливер так и не может им овладеть» [Бологова: 346]. При этом вербальный язык в Тикитаки также существует, но ему в повести (как, собственно, и в жизни ее героев) уделяется гораздо меньше внимания: «...это лишь официальный язык, способ общения, при котором не обязательно видеть того,

с кем общаешься: язык статей, служебной переписки, официальных записей» [Савченко: 170]. В книге Свифта герой, вернувшись домой после очередного приключения, обычно долго не может расстаться с новоприобретенными привычками – например, постоянно наклоняется по возвращении из страны лилипутов; Гулливер Савченко также еще некоторое время пытается использовать руки как линзы, забыв, что они больше не являются прозрачными без инъекций специального лекарства.

После смерти Имельдина Гулливер принимает решение вернуться на родину – однако, в отличие от героя Свифта, по прибытии в Англию, ни с кем не говорит о Тикитакии, и главной тому причиной называет следующий факт: «...мы, европейцы, считаем себя умнее других, будучи всего лишь с и л ь н е е » [Савченко: 240]. Гулливер Савченко завещает рукопись о путешествии своему сыну и перед ее публикацией желает всем осознать две вещи: «1) что подлинно разумная жизнь – та, когда меняют не только внешнюю среду, но и себя; 2) что нет народов лучших и худших, а есть разные – и все друг друга стоят» [Там же]. Пожалуй, эти выводы можно назвать главной идеей повести советского фантаста.

Обобщая, можно сказать, что, обратившись к творческому наследию Дж. Свифта, В.И. Савченко позаимствовал у него не только главного героя и идею попадания в удивительную страну после крушения корабля.

Текст русскоязычной повести выстроен по «лекалам» романа Свифта (предисловие, разбиение на главы с подзаголовками), в роли нарратора также выступает главное действующее лицо (Гулливер), однако язык писателя можно назвать приближенным к «народной» речи, т. е. более разговорным, чем у Свифта. В тексте Савченко присутствует ряд прямых и косвенных отсылок к роману английского сатирика; глубинной целью обоих писателей можно назвать наблюдение за человеческой природой, однако советский автор, будучи остроумным, все же гораздо менее саркастичен, чем Свифт. Специфика и различия социально-исторических условий написания обоих текстов существенно повлияли на «результаты» писателей, в аллегорической форме намекавших на современную каждому из них действительность.

Литература

Абрамовских, Е.В. «В голубом эфире поле...» А.С. Пушкина: провоцирующая сила «творческого потенциала незаконченного текста» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2016. №1. С. 81–103.

Амнуэль, П.Р. Придет такой день. Судьба предвидений Генриха Альтова (Альтшуллера) и Валентины Журавлевой // ТРИЗ в развитии. Киров: АНО ДПО МЦИТО, 2023. С. 248–258. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-37095-2023-1-248-258>

Бологова, М.А. Современная русская проза: проблемы поэтики и герменевтики. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2010.

Загидуллина, М.В. Ранние статьи Гоголя о Пушкине: к вопросу о «внутрицеховой» рецепции // Вестник ЧелГУ. Челябинск: ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2004. Т. 2. № 1. С. 34–41.

Зонова, Е.В. Творчество М.Я. Козырева: поэтика сатирических рассказов и повестей: Монография. Киров: Лобань, 2008.

Ингарден, Р. Исследования по эстетике / пер. с польского А. Ермилова и Б. Федорова. Москва: Изд-во иностр. лит., 1962.

Комиссаров, В.В. Интеллигенция, фантастика и социальные прогнозы в советском обществе 1960–80-х годов // Интеллигенция и мир. Иваново: ФГБОУ ВО «ИвГУ», 2015. №2. С. 61–70.

Кузнецова, А.В. Рецептивно-интерпретативное пространство художественного текста: проблемная парадигма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. №12. С. 118–121. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.25>

Савченко, В.И. Похитители сутей. Киев: Рад. Письменник, 1988.

Свифт, Д. Путешествия Гулливера. Сказка бочки. Дневник для Стеллы. Письма. Памфлеты. Стихи на смерть доктора Свифта / пер. с англ. М.: НФ «Пушкинская библиотека», АСТ: АСТ МОСКВА, 2007.

Тюпа, В.И. Творческий потенциал пушкинских набросков // А.С. Пушкин: филоло-

гические и культурологические проблемы изучения: мат-лы Междунар. науч. конф. (28–31 октября 1998 г.). Донецк: ДГУ, 1998. С. 16–18.

Фёдорова, Н.К. Концепция смерти в пьесах и киноповестях Г.И. Горина // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Тюмень: ФГАОУ ВО «ТюмГУ», 2006. № 8. С. 30–34.

Düring, M. Jonathan Swift in Russland: kritische, übersetzerische und kreative Rezeption. Frankfurt a. M.: Lang, 2007.

References

Abramovskikh, E.V. (2016). “V golubom efirapole. . .” A.S. Pushkina: provotsiruyushchaya sila “tvorcheskogo potentsiala nezakonchennogog teksta [“In the blue ether field. . .” by A. S. Pushkin: the provoking force of the creative potential of an unfinished text]. *Ural'skiy Filologicheskiy Vestnik. Russkaya Klassika: Dinamika Khudozhestvennykh Sistem* [Ural Philological Bulletin. Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems], 1, 81–103.

Amuel, P.R. (2023). Pridet takoy den'. Sud'ba predvideniy Genrikha Al'tova (Al'tshullera) i Valentiny Zhuravlevoy [Such a day will come. The fate of the predictions of Heinrich Altov (Altshuller) and Valentina Zhuravleva]. *TRIZ v razvitiy* [TRIZ in development]. Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education, 248–258. <https://doi.org/10.24412/cl-37095-2023-1-248-258>

Bologova, M.A. (2010). *Sovremennaya russkaya proza: problemy poetiki i germeneytiki*

[Modern Russian prose: problems of poetics and hermeneutics]. Novosibirsk: Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS.

Düring, M. (2007). *Jonathan Swift in Russland: kritische, übersetzerische und kreative Rezeption* [Jonathan Swift in Russia: critical, translation and creative reception]. Frankfurt am Main: Lang.

Fedorova, N.K. (2006). Kontseptsia smerti v p'sakh i kinopovestiakh G.I. Gorina [The concept of death in the plays and movie-essays by G.I. Gorin]. *Vestnik Tiumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Tyumen State University Bulletin]. Tyumen: Tyumen State University, 8, 30–34.

Ingarden, R. (1962). *Studia z estetyki* [Studies in aesthetics] (A. Ermilov, & B. Fedorov, Trans.). Moscow: Inostrannaya Literatura.

Komissarov, V.V. (2015). *Intelligentsiya, fantastika i sotsial'nyye prognozy v sovetskom obshchestve 1960-80-kh godov* [Intelligentsia, fiction and social forecasts in Soviet society of the 1960s-80s]. *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the world]. Ivanovo: Ivanovo State University, 2, 61–70.

Kuznetsova, A.V. (2019). Retseptivno-interpretativnoye prostranstvo khudozhestvennogo teksta: problemnaya paradigma [Receptive and interpretative space of a literary text: a problematic paradigm]. *Filologicheskiye Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki* [Philology. Theory

and Practice]. Tambov: Gramota, 12, 118–121. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.25>

Savchenko, V.I. (1988). *Pohititeli sutej* [The stealers of the essences]. Kiev: Radyans'kij pis'mennik.

Swift, J. (2007). *Puteshestviya Gullivera. Skazka bochki. Dnevnik dlya Stelly. Pis'ma. Pamflety. Stihi na smert' doktora Svifta*. [Gulliver's Travels. A tale of a tub. A journal to Stella. Letters. Pamphlets. Verses on the Death of Dr. Swift]. Moscow: Pushkinskaya biblioteka, AST: AST MOSKVA.

Tyupa, V.I. (1998). *Tvorcheskiy potentsial pushkinskikh nabroskov* [The creative potential of Pushkin's sketches]. In *A.S. Pushkin: filologicheskiye i kul'turologicheskiye problemy izucheniya* [A.S. Pushkin: philological and cultural problems of study]. Donetsk: DGU, 16–18.

Zagidullina, M.V. (2004). *Ranniye stat'i Gogolya o Pushkine: k voprosu o "vnutritsekhovoy" retseptsii* [Gogol's early articles on Pushkin: on the issue of "in-house" reception]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2(1), 34–41.

Zonova, E.V. (2008). *Tvorchestvo M.Ya. Kozyreva: poetika satiricheskikh rasskazov i povestey* [The work of M.Ya. Kozyrev: the poetics of satirical short stories and novellas]. Kirov: Loban'.

Для цитирования: Алпатьева Н.В. Рецепция «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта в повести В.И. Савченко «Пятое путешествие Гулливера» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. No 3. С. 98–108. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-98-108

For citation: Alpatieva, N.V. (2024). Reception of Jonathan Swift's "Gulliver's Travels" in "Gulliver's Fifth Travel" by V.I. Savchenko. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (3), 98–108. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-98-108

RECEPTION OF JONATHAN SWIFT'S "GULLIVER'S TRAVELS" IN "GULLIVER'S FIFTH TRAVEL" BY V. I. SAVCHENKO

Natalia V. Alpatieva, Senior Lecturer at Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design (Saint Petersburg, Russia); e-mail: xru93@yandex.ru

Abstract. This article examines the creative reception of J. Swift's novel "Gulliver's Travels" (1726) in the story by Soviet science fiction writer V. I. Savchenko "Gulliver's Fifth Travel" (1988), which has not previously been studied by scholars. In the preface to his work, the writer identifies the plot lacunae left by Swift, which he would like to fill by "sending" the hero on new wanderings; these lacunae, in particular, are Gulliver's medical activity and his knowledge of astronomy. In Savchenko's story, Swift's character sets sail again, but crashes and finds himself in Tikitakia – on an unusual island inhabited by transparent people who can read each other's moods and thoughts according to the state of their internal organs. The texts are compared in terms of composition and the author's style of narration; if in its structure (division into chapters with subheadings) Savchenko's story resembles the famous novel, the manner of narration of the two authors differs quite strongly: Swift is restrained, though sarcastic, while in Savchenko's story there is a lot of colloquial vocabulary, the speech of the characters is more emotional. The deep idea of both texts can be described as the observation of people, their characters and nature, but the authors have different attitudes towards both their characters and human nature in general. These distinctions respond to the socio-historical context of the writing of both works. Swift's hero, disillusioned with the power of Reason, has no misconceptions about human beings; the "new" Gulliver sympathizes with the Tikitaks, but acknowledges that they are not without their faults and concludes that all peoples on earth are different – and yet "all are worthy of each other". The article also notes a number of Savchenko's textual allusions to the famous novel – for example, his Gulliver from time to time "remembers" his former adventures described by Swift.

Key words: Swift, Gulliver, Savchenko, fiction, novel, reception

